

Л.И. Дворецкий*

ГБОУ ВПО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова», кафедра госпитальной терапии № 2, г. Москва

ЗАДЫХАЮЩИЙСЯ БЛОК. Часть 1

*И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок,
Трагический тенор эпохи.*

А.А. Ахматова

Резюме

В статье автор делает попытку воссоздать историю болезни русского поэта А.А. Блока на основании материалов переписки, воспоминаний современников, врачей, наблюдавших поэта. Медицинские вопросы заболевания поэта обсуждаются с учётом исторической обстановки, оказавшей в известной степени влияние на тактику ведения больного.

Ключевые слова: А.А. Блок, поэт, инфекционный эндокардит.

Abstract

In the article the author makes an attempt to reconstruct the history of the disease of the Russian poet A.A. Block on the basis of correspondence, memoirs of contemporaries, doctors who watched the poet. Medical issues diseases of the poet are discussed taking into account the historical situation, which has had some extent, the impact on the tactics of the patient.

Key words: A.A. Block, poet, infective endocarditis.

Болезнь и смерть Александра Блока долгое время были окутаны тайной и множеством легенд. Отчасти это могло объясняться тем временем, в котором прошли последние месяцы жизни поэта. Однако, если в отношении причин смерти других великих, ушедших в то же время послереволюционной России, была хоть какая-то определённая ясность, то о А.А. Блоке этого сказать было нельзя. Действительно, чекистская пуля, заготовленная для Гумилёва, которого нашли повод арестовать и расстреляли, другая пуля в сердце у Маяковского, выпущенная самим себе, а быть может и не самим (согласно робким версиям), удавка на шее Есенина, упрочившая оригинальную версию суицида через повешение, — так или иначе объясняли причины смерти погибших. Но что же могло случиться с Блоком, сорокалетним красавцем-цётголем, излучавшим крепкое здоровье и истаявшим за каких-нибудь несколько месяцев? Муссировались различные слухи. Причиной смерти поэта стали интересоваться даже за границей. Так, в 1928 г. Р. Роллан допытывается у М. Горького о причине смерти Блока. А пролетарский писатель, не имея на руках никакого медицинского документа, уклончиво отвечает своему французскому другу — «атрофия воли к жизни».

Имеющиеся сведения о здоровье поэта в юности и в молодом возрасте не дают оснований предполагать наличие у него какого-либо заболевания. На окружающих Блок производил впечатление человека, воплощающего ощущение здоровья, силы, красоты, лучезарности, кре-

пости и статности. Воспоминания и свидетельства современников убеждали в хорошей переносимости им физических нагрузок (длительные прогулки, гимнастика, шведский массаж, верховая езда и др.), которые благотворно влияли на состояние поэта. Возможно, именно поэтому смерть Блока для многих оказалась столь неожиданной, столь и необъяснимой. Один из современников поэта, Георгий Иванов, недоумевает, что врачи, лечившие Блока, «так и не могли определить, чем он, собственно, был болен. Сначала они старались подкрепить его быстро падавшие без явной причины силы, потом, когда он стал, неизвестно от чего, невыносимо страдать, ему стали впрыскивать морфий... Но всё-таки от чего он умер?»

Отсутствие патологоанатомического вскрытия и медицинского заключения о смерти великого поэта, породило, как часто случается в подобных ситуациях, множество версий, носивших в большинстве спекулятивный характер. Одна из них заключалась в том, что великий поэт умер чуть ли не голодной смертью, хотя уже приближался спасительный НЭП и ведь не поумирали же с голоду жившие в это время в Петрограде ни Анна Ахматова, ни Корней Чуковский, ни Сергей Городецкий, ни Всеволод Рождественский, ни другие писатели и поэты. В этой связи несомненный интерес представляют сведения из воспоминаний тётки Блока М.А. Бекетовой, появившиеся через несколько лет после смерти поэта и переизданные в 1930 г. Автор подчёркивает финансовую стабильность семьи и постоянную помощь друзей. Ну а

* Контакты. E-mail: dvoretzki@mail.ru. Телефон: (499) 782-30-84

приведённое Бекетовой «ресторанное меню» поэта не только неудержимо влечёт читающих к столу, но и полностью опровергает версию «голодной смерти» Блока: «Ал. Ал. кушал ветчину, жареных цыплят, свежую рыбу, икру и уху, бифштексы, яйца, разные пирожки, молоко, ягоды, любимые им кисели из свежей малины и огурцы. Булки, сахар, варенье, шоколад, сливочное масло не сходили с его стола. Ему не готовили сладких блюд, потому что он их не любил. Но ел он, к сожалению, мало. Иногда только просыпался у него аппетит и особая охота, например, к свежим ягодам...». Как подчёркивает сама М.А. Бекетова, она нарочно приводит все эти подробности, чтобы «...разрушить басню, которую досужие русские эмигранты сложили о голодающем Блоке, кормимом из милости каким-то иностранцем. Всё, что можно было сделать для него в Петербурге, делалось».

В 70-е гг. прошлого столетия писатель Владимир Солоухин написал стихотворение «Три поэта», в котором есть такие слова:

Их было трое.

В круге этом узком

Звучал недолго благовестный стих.

Блок умер первым, ибо самым русским

И самым честным был он из троих.

Он умер не от тифа, не от раны

(Небрит, прозрачен, впалые виски),

Но потому что понял слишком рано...

Сказать точнее – просто от тоски.

Конечно, это не более чем поэтические строки, но даже в них ощущается отголосок нераскрытой тайны смерти поэта. Солоухин, давно мучимый сомнениями относительно истинной причины смерти Блока, озвучил ещё одну версию, родившуюся не у кого-нибудь, а у известного учёного-медика, академика Б.А. Петрова. Вот что рассказал об этом сам Владимир Солоухин: «Разговорился я с Борисом Александровичем Петровым у «Троице-Сергия», за хорошим (патриаршим) застольем. Рассказал ему всё, что знал о болезни Блока, и напрямую спросил: что это была за болезнь? Борис Александрович, совершивший сотни (или тысячи?) раковых полостных операций, со всей своей прямоотой... рубанул: «Не знаю, что думают ваши литературоведы. Больше всего это похоже на яд. Его отравили». Предположение это лишено оснований и, по крайней мере, ничем не аргументировано. Тем не менее, по воспоминаниям близкого друга Блока С. Алянского, сам Александр Александрович был уверен, что его отравили по приказу большевиков. Такая же версия озвучивалась и супругой поэта Любовью Дмитриевной Блок. Особенно настойчиво педалировалась тема «удушения». В многочисленных воспоминаниях современников и биографов поэта сформировался художественный образ задыхающегося Блока, что в итоге создало оригинальную и ставшую легендарной концепцию причины смерти поэта. Вот некоторые черты этого поэтического образа Блока.

М. Цветаева пишет, что Блок «...заживо ходил – как удушенный». А В. Ходасевич в статье «Кровавая пища» просто говорит о «задушенном Блоке», не считая нужным разъяснять, как, почему и кем (или чем) был он задушен.

Как будто бы для автора и его читателей никаких сомнений в этом не было. Размышляя спустя годы о гибели (именно о гибели!) поэта, В. Ходасевич писал: «В пушкинской своей речи, ровно за полгода до смерти, он говорил: «Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю, – тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему больше ничем: жизнь потеряла смысл... Не странно ли: Блок умер несколько месяцев, на глазах у всех, его лечили врачи – и никто не называл и не умел назвать его болезнь. Началось с боли в ноге. Потом говорили о слабости сердца. Перед смертью он сильно страдал. Но от чего же он всё-таки умер? Неизвестно. Он умер как-то «вообще» оттого, что был болен весь, оттого что не мог больше жить. Он умер от смерти». Вероятно, тот, кто первый сказал, что Блок задохнулся, взял это именно отсюда.

Художник Ю.П. Анненков, иллюстратор поэмы «Двенадцать», пишет: «В последний год его жизни разочарования Блока достигли крайних пределов. В разговорах со мной он не боялся своей искренности. «Я задыхаюсь! – повторял он. – И не я один: вы тоже. Мы задыхаемся, мы задохнемся все! Мирровая революция превратилась в мировую грудную жабу!»

Таким образом, усилиями творческих личностей, наделённых образным мышлением и склонных к мистическим воображениям, был создан некий клинико-поэтический образ «задыхающегося» Блока, невольно ассоциирующийся и с удушливой атмосферой, окружающей поэта, и с его душевным кризисом, и с личными переживаниями. Однако дальше художественного образа, раскрашенного цветами невыносимой тоски, беспомощности, сострадания дело не шло. Истинная причина смерти поэта по-прежнему оставалась неясной и не могла быть объяснена ни «удушливой атмосферой», ни «разочарованиями Блока», ни даже «истощением нервной системы». Не проясняли и не уточняли причины смерти Блока упоминания о признаках депрессии у него. Все находились под гипнозом удушливого душевного состояния поэта, и мало кто осмеливался строить иные диагностические гипотезы, более соответствующие реальному положению дел.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в последние несколько месяцев жизни Блок действительно испытывал чувство нехватки воздуха, что в сочетании с другими симптомами позволяло по-иному взглянуть на его состояние. Ведь все эти поэтические образы можно ассоциировать как с психическим болезненным состоянием поэта, так и с тяжёлым физическим недугом. Поэтому у врачей в силу свойственной им приверженности поиску причинно-следственных связей создавалась иная трактовка образа «задыхающегося» Блока, который незадолго до своей смерти, 18 июня 1921 г., сделал последнюю запись в дневнике: «Мне трудно дышать, сердце заняло полгруды». Что это означало? Тяжёлую болезнь, проявляющуюся одышкой, или внутреннюю тревогу и депрессию, «душившие» последнее время поэта?

ТЕЧЕНИЕ БОЛЕЗНИ А.А. БЛОКА

Первые симптомы фатальной для поэта болезни появились, по мнению его тётки, М.А. Бекетовой, в середине апреля 1921 г., когда больной стал отмечать общую слабость и сильные боли в руках и ногах, усиливавшиеся при всяких неприятных ситуациях и усугублявших его и без того угнетённое состояние. К петербургским врачам он не обращается и принимает решение отправиться в Москву в надежде «освежиться и набраться сил». В поездке его сопровождает К.И. Чуковский, по свидетельству которого он чуть не вскрикнул, нечаянно подняв глаза и увидев Блока: *«Передо мной сидел не Блок, а какой-то другой человек, совсем другой, даже отдалённо не похожий на Блока. Жёсткий, обглоданный, с пустыми глазами, как будто паутиной покрытый. Даже волосы, даже уши стали другими»*. Встречавшая поэта на вокзале в Москве Н.А. Нолле-Коган, жена литературного критика и друга А. Блока, П.С. Когана, приходит в ужас: *«...но он ли это! Где лёгкая поступь? Где статная фигура? Где светлое прекрасное лицо? Блок медленно идёт прихрамывая и тяжело опирается на палку. Потухшие глаза, землисто-серое лицо, словно обтянутое пергаментом»*. Даже эти краткие описание внешнего вида свидетельствуют о явном тяжёлом заболевании поэта, что подтверждается далее в воспоминаниях Н.А. Нолле-Коган: *«... в этот приезд (ранее 1920) Блок выступал всякий раз очень неохотно, его раздражала публика, шум, ему трудно было читать стихи, ходила нога, он задыхался, но успев выступить и был столь же велик, как и в 1920 г.»*

Из письма самого Блока матери от 12 мая 1921 г. узнаём о заключении, сделанном осматривавшим его московским доктором: *«У меня была кремлёвская докторша, которая сказала, что дело вовсе не в одной подагре (боли в руках и ногах приписывались подагре — прим. автора), а в том, что у меня, как результат однообразной пищи, сильное истощение и малокровие, глубокая невращательность, на ногах цинготные опухоли и расширение вен; велела мало ходить, больше лежать, дала мышьяк и стрихнин; никаких органических повреждений нет, а всё состояние, и слабость, и испарина, и плохой сон, и пр. — от истощения»*.

Из этого письма можно узнать, что Блоку уже тогда удалось вкусить из источника зарождавшейся в то время «кремлевской медицины». Врачом, номинированным Блоком как «кремлёвская докторша», была ни кто иная как Александра Юлиановна Канель. Такое предположение можно сделать на основании более позднего письма поэта к Н.А. Нолле-Коган: *«Больше недели прошло с тех пор, как я приехал. Это время я провёл дома, сначала — на розовых креслах и, наконец, уже в постели, с жаром, что и до сих пор продолжается. Доктор, не опровергающий ничего, что сказала Александра Юлиановна, считает, что без санатории не поправить ни душевного, ни физического состояния»*. Речь идёт об Александре Юлиановне Канель, которая в сентябре 1918 г. получила предложение от Бонч-Бруевича и Луначарского создать и возглавить амбулаторию Кремля, преобразованную в дальнейшем в Лечсанупр Кремля, а затем в Кремлёвскую больницу.

Пациентами А.Ю. Канель было все руководство Советской Республики и члены их семей, многие из которых стали её близкими друзьями — Е. Калинина, С. Каменева, П. Жемчужина (жена Молотова), Н. Аллилуева (жена Сталина). В будущем это обстоятельство сыграло роковую роль в судьбе не только самой Александры Юлиановны, но и всей её семьи. А.Ю. Канель вместе с Л.Г. Левиным и профессором Д.Д. Плетнёвым оказалась посвящена в истинную причину смерти жены Сталина, покончившей, как известно, жизнь самоубийством. Всем им было предложено подписать бюллетень о смерти Н.С. Аллилуевой от аппендицита, от чего все трое категорически отказались, и бюллетень был подписан другими врачами. Сталин не забыл этого отказа, и его злобой мстью была версия «умерщвления» А.М. Горького Плетнёвым и Левиным. В 1935 г. Александра Юлиановна после долгого разговора со Сталиным была снята с должности главного врача Кремлёвской больницы. В 1936 г. она внезапно заболевает гнойным менингитом и через 2 дня умирает, избежав тем самым незавидной судьбы «убийц» Горького.

По возвращении Блока в Петербург к нему на консультацию был приглашён доктор А.Г. Пекелис. Вначале Пекелис как будто бы подтверждает диагноз «кремлёвской докторши», определяя у Блока сильнейшее нервное расстройство, и квалифицирует его как психастению. Однако, принимая во внимание жалобы поэта на приступы удушья и боли в груди, высокую (до 39°C) температуру тела, Пекелис понимает, что речь идёт не только о банальном невротическом состоянии, которые часто бывают обманчивы и могут маскировать различные соматические заболевания. Более того, при обследовании пациента А.Г. Пекелис обнаруживает увеличение границ сердца влево на палец и вправо на 1,5 пальца, нерезкий шум на верхушке и во втором межрёберном промежутке справа, что дало основание заподозрить «воспаление сердечных клапанов». И так, по прошествии трёх недель с момента возникновения первых симптомов (лихорадка, боли в груди, приступы удушья) доктор Пекелис окончательно убедился в том, что у Блока имеет место настоящая сердечная патология. *«Он не долго блуждал впотьмах»*, — напишет впоследствии тётка поэта, давая весьма лестную характеристику А.Г. Пекелису.

В письме к матери, написанном Блоком 28 мая карандашом в постели после некоторого облегчения, читаем: *«Писать мне нечего интересного; кроме болезни, ни о чём не могу писать, и трудно — слабость. У меня уже вторые сутки сердечный припадок, вроде твоих, по словам Пекелиса, я две ночи почти не спал, температура то ниже, то выше 38. Принимаю массу лекарств, некоторые немного помогают»*. Из этого письма можно предположить, что доктор Пекелис наблюдал в своё время и мать поэта. Однако клиническая симптоматика у Блока не имела в своей основе ничего общего с «сердечными припадками» его матери, имеющими, скорее всего, невротическую природу. В последнем письме матери от 4 июня, написанном пером, сильно изменённым почерком, Блок рассуждает о характере своего заболевания: *«Мама, доктор Пекелис*

знает все мои болезни, ты ошибаешься, точно также отравления никакого не было и вообще не может быть. В чём дело, неизвестно. Если нервы несколько поправятся, то можно будет узнать, настоящая ли это сердечная болезнь или только неврозы. Нужно понизить температуру. Я принимаю водевильное количество лекарств...». Очевидно, мать поэта, как упоминалось выше, высказывала версию об отравлении сына, в чём Блок пытается её переубедить. В лечении Блока врачи использовали все имеющиеся в их распоряжении средства, о чём пишет М.А. Бекетова: «Доктор Пекелис пустил в ход весь арсенал противосердечных средств. Доставать лекарства было нелегко, но на помощь пришли друзья, которые наперерыв предлагали свои услуги больному...».

Несмотря на тяжёлое состояние больного и незначительные перспективы выздоровления, даже лечащий врач Блока в эти дни полагал, что всё ещё есть надежда на перелом в лучшую сторону, но необходима была срочная медицинская помощь, которую в России Блок получить не мог. Большие надежды, в том числе и самими врачами, возлагались на лечение Блока в санатории.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСИЛИУМ ПО ПОВОДУ САНАТОРНОГО ЛЕЧЕНИЯ БЛОКА

Поскольку консультировавшие Блока А.Ю. Канель и А.Г. Пекелис рекомендовали лечение в санатории, то с начала мая 1921 г. начинаются хлопоты со стороны влиятельных лиц и авторитетных общественных организаций о направлении поэта на санаторное лечение за границу. Врачи с самого начала настаивали на санатории в Финляндии, поскольку санаторные условия в России были в то время неудовлетворительными. Ободренный появившейся надеждой, Блок стал готовиться к отъезду за границу, рассчитывая поехать в сопровождении жены, пробыть там месяца два, поправиться и вернуться домой. Ну а пока он стал отбирать всё, что было лишним и подлежало уничтожению: сжёг ненужные рукописи и письма, привёл в порядок всё остальное и закончил перечень своих работ, начатый несколькими годами ранее, словно предчувствуя необходимость подведения итоговой черты своего творчества.

Большое участие в судьбе Блока принял М. Горький. В мае 1921 г. он направляет нарком просвещения А.В. Луначарскому письмо: «Дорогой Анатолий Васильевич! У Александра Александровича Блока — цинга, кроме того, последнее время он находится в таком повышенном нервном состоянии, что врачи и близкие его боятся возникновения серьёзной психической болезни. А также участились припадки астмы, которой Блок страдает давно уже. Поэтому не можете ли вы похлопотать для Блока — в спешном порядке — выезд в Финляндию, где я бы мог помочь ему устроиться в одной из лучших санаторий? Сделайте всё возможное для Вас, очень прошу! Жму руку. А. Пешков». В этом письме М. Горький акцентирует нервно-психический компонент болезни Блока и лишь упоминает об участившихся «припадках астмы». Скорее всего, имеются в виду проявля-

ния левожелудочковой недостаточности. О наличии последней можно предполагать из письма поэта к матери, в котором сам Блок указывает на характерный признак — связь одышки с положением тела: «... встаю с постели редко, больше сижу там, лежать нельзя из-за сердца. Теперь, кажется, припадок проходит...».

В попытках оказать содействие больному поэту Петроградский отдел Всероссийского профессионального союза писателей, по-видимому, по инициативе всё того же М. Горького ходатайствует 31.05.21 перед председателем Совнаркома Лениным о направлении А.А. Блока в санаторий. Но вместо ответа на это письмо Ленин позволил ещё и укорить Горького: «Вам не кажется, что вы занимаетесь чепухой, пустяками?... Компрометируете вы себя в глазах товарищей рабочих». Впрочем, такая реакция не была удивительной, ведь ещё в 1919 г. в письме тому же Горькому Ленин называл другого выдающегося русского писателя — В.Г. Короленко «жалким меццанином», которому «не грех посидеть недельку в тюрьме». Но Горький, несмотря на ленинскую выволочку, не прекращал попыток добиться разрешения на выезд для Блока. Ну а пока что дело о выезде поэта медленно плавало по обычным бюрократическим каналам, и каждая инстанция выдвигала свои придирки, стремясь продемонстрировать собственную значимость. 11 июня после обычных проволочек на каждой инстанции ЦК уклонился от решения вопроса, дав лишь санкцию «улучшить продовольственное положение А.А. Блока». Ещё через две с половиной недели, 29 июня, иностранный отдел ВЧК проинформировал секретаря ЦК В.М. Молотова, что он не видит оснований для выдачи разрешения Блоку на выезд.

Между тем состояние А.А. Блока продолжало ухудшаться. 17 июня у постели поэта в доме на Офицерской состоялся консилиум, в котором, кроме А.Г. Пекелиса, приняли участие профессор П.В. Троицкий, заведующий терапевтической кафедрой Военно-медицинской академии, и Э.А. Гизе, доктор медицины, заведующий неврологическим отделением Обуховской больницы. Клинический вердикт консилиума был таков: острый эндокардит, психастения. Троицкий вполне согласился с Пекелисом в постановке общего диагноза и нашёл положение крайне серьёзным. Именно тогда Троицкий, отдавая себе отчёт о реальном положении больного и сомнительном прогнозе, произнёс: «Мы потеряли Блока». Он нашёл вполне правильным назначенное Пекелисом лечение, и его было решено продолжать. Теперь уже решение направить больного на санаторное лечение принимают участники консилиума, о чём есть соответствующая запись: «Мы, нижеподписавшиеся, освидетельствовав 18/VI 1921 г. состояние здоровья Александра Александровича Блока, находим, что он страдает хронической болезнью сердца с обострением эндокардита и субъективным ощущением стенокардического порядка (Endocarditis chron. Exacerbata). Со стороны нервной системы имеются явления неврастения, резко выраженной. А.А. Блок нуждается в продолжительном лечении, причём в ближайшем будущем необходимо помещение в одну из хорошо оборудованных со специальной методикой для лечения сердечных больных санаторий».

Любовь Дмитриевна обратилась за помощью всё к тому же М. Горькому, который с заключением консилиума лично направился к Ленину. Ильич не решился отказать пролетарскому писателю, но дал понять, что один этот вопрос решить не может и что это будет решать Политбюро РКП(б). Но на всякий случай документы отправил не в Наркомздрав, а... на Лубянку с просьбой дать отзыв, как и где лечить Блока, «главного специалиста» по этим вопросам заместителя председателя ВЧК В.Р. Менжинского.

Узнав о тяжёлом состоянии Блока и о том, что Менжинский притормозил документы на выезд Блока в Финляндию, Луначарский направляет 11 июля председателю Совнаркома Ленину послание следующего содержания: *«Поэт Александр Блок, в течение всех этих четырёх лет державшийся вполне лояльно по отношению к советской власти и написавший ряд сочинений, учтённых за границей как явно симпатизирующих Октябрьской революции, в настоящее время тяжело заболел нервным расстройством. По мнению врачей и друзей, единственной возможностью поправить его является временный отпуск в Финляндию. Я лично и т. Горький об этом ходатайствуем. Бумаги находятся в Особ[ом] отделе, просим ЦК повлиять на т. Менжинского в благоприятном для Блока смысле».*

Но отзыв на письмо врачей был у Менжинского уже готов, и в этот же день (11 июля) второй человек ВЧК даёт свой «отзыв» на полученную от Ленина записку: *«Уважаемый товарищ! За Бальмонта ручался не только Луначарский, но и Бухарин. Блок натура поэтическая; произведёт на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он совершенно естественно будет писать стихи против нас. По-моему, выпускать его не стоит, а устроить Блоку хорошие условия где-нибудь в санатории».* В стремлении во что бы то ни стало не выпускать поэта за границу и «устроить Блоку хорошие условия где-нибудь в санатории» Менжинский лукавит и готов на самообман. Ведь заместитель председателя ВЧК лучше, чем кто-либо другой знал, что такого санатория тогда в пределах России не было. Ну а если он был об этом недостаточно осведомлён, для информации Менжинского было частное письмо одного из участников консилиума, профессора П.В. Троицкого, который указал на «необходимость заграничной поездки, за неимением благоустроенных санаторий в России». Но чекистский вердикт уже вынесен, и на следующий день, 12 июля 1921 г., на заседании Политбюро ЦК РКП(б) судьба Блока была решена: постановили отклонить ходатайство Горького и Луначарского. Иного развития событий поэт и не ожидал и впал в ещё большее депрессивное состояние. Современники свидетельствуют, что он уничтожил несколько своих записных книжек, отказался от еды и приёма медикаментов, часто говорил, что хочет сжечь знаменитую поэму «Двенадцать». Теперь можно говорить, что подобная депрессивная симптоматика была обусловлена тяжёлым соматическим заболеванием.

Ленин опасался выпускать Блока за границу, поскольку не был уверен в лояльности поэта и не исключал

предсказываемой Менжинским опасности нанесения Блоком вреда имиджу России. Но в таком случае возникает вопрос, почему подобные опасения были только в отношении Блока и не касались других деятелей науки и культуры. Ведь в эти же дни в эмиграцию отправились поэт Ходасевич, писатель Сологуб, о котором упоминает в своём «возмущённом» письме Луначарский, а годом позже из России с разрешения Ленина отплыл целый «философский пароход». И почему-то пролетарского вождя беспокоила лояльность только полуживого на тот момент Блока.

Подобная позиция Ленина может показаться действительно странной и заставляет невольно вернуться к сомнениям В. Солоухина о причине смерти поэта. Он не сомневается, что «болезнь Блока проходила по ведомству Менжинского. Другого объяснения этому нет... Менжинский знал, чем на самом деле «болел» Блок, знал, вероятно, когда всё это должно кончиться, и тянул время. Время тянул и дорогой Владимир Ильич. Напрасно Горький и Луначарский подталкивали его: «Просим ЦК повлиять на т. Менжинского в благоприятном для Блока смысле...». Читатели эти строки уже догадываются, чего боялись Менжинский и Ленин, а след за ними, возможно, лишь идя на поводу, и члены Политбюро. Не лояльности Блока, не его выздоровления. Полагаю, Менжинский и Ленин знали, что Блок не выздоровеет, что дни его сочтены. Они, как вы, наверное, догадываетесь, боялись, что европейские медики ПОСТАВЯТ ПРАВИЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ, И ОБНАРУЖАТ, И ОБЪЯВЯТ ВСЕМУ МИРУ, ЧТО БЛОК ОТРАВЛЕН. Это единственное реальное объяснение чудовищному решению Политбюро не пускать Блока за границу и вообще всей этой волоките и проволочке, которую Вл. Радзишевский назвал канцелярским убийством. Убит Блок был раньше, за несколько месяцев до самого факта смерти, а проволочка понадобилась, чтобы довести начатое до конца и чтобы спрятать концы». Не располагая никакими конкретными фактами, оставим эту трактовку без комментариев.

Несмотря на решение Политбюро ЦК РКП(б), возмущённый Луначарский вновь пишет письмо в ЦК РКП(б) уже в совершенно другом тоне: *«Сообщённые мне решения ЦК РКП по поводу Блока и Сологуба кажутся мне плодом явного недоразумения. Трудно представить себе решение, нерациональность которого в такой огромной мере бросалась бы в глаза. Кто такой Сологуб? Старый писатель, не возбуждающий более никаких надежд, самым зловещим и ядовитым образом настроенный против Советской Республики, везущий с собой за границу злобную сатиру под названием «Китайская Республика равных». И этого человека, относительно которого я никогда не настаивал, за которого я, как народный комиссар просвещения, ни разу не ручался (да и было бы бессовестно), о котором я говорил только, что я поставлен в тяжёлое положение, ибо ВЧК не отпускает его, а Наркомпрод и Наркомфин не дают мне средств его содержать, этого человека Вы отпускаете. Кто такой Блок? Поэт молодой, возбуждающий огромные надежды, вместе с Брюсовым и Горьким главное украшение всей нашей литературы, так сказать, вчерашнего дня. Человек, о котором газета «Таймс» недавно написала большую статью, называя его*

Рисунок 1. Блок на смертном одре (рисунок Ю. Аненского)

самым выдающимся поэтом России и указывая на то, что он признает и восхваляет Октябрьскую революцию. В то время как Сологуб попросту подготавливает, имея, впрочем, большой заработок, Блок заболел тяжёлой ипохондрией, и выезд его за границу признан врачами единственным средством спасти его от смерти. Но Вы его не отпускаете. При это[м], накануне получения Вашего решения, я говорил об этом факте с В.И. Лениным, который просил меня послать соответствующую просьбу в ЦК, а копию ему, обещая всячески поддержать отпуск Блока в Финляндию. Но ЦК вовсе не считает нужным запросить у народного комиссара по просвещению его мотивы, рассматривает эти вопросы заглазно и, конечно, совершает грубую ошибку. Могу Вам заранее сказать результат, который получится вследствие Вашего решения. Высоко даровитый Блок умрёт недели через две, а Фёдор Кузьмич Сологуб напишет по этому поводу отчаянную, полную брани и проклятий статью, против которой мы будем беззащитны, т.к. основание этой статьи, т.е. тот факт, что мы уморили талантливейшего поэта России, не будет подлежать никакому сомнению и никакому опровержению. Копию этого письма я посылаю В.И. Ленину, заинтересовавшемуся судьбою Блока, тов. Горькому, чтобы лучшие писатели России знали, что я в этом (пусть ЦК простит мне это выражение) легкомысленном решении нисколько не повинен».

Возможно, что нескрываемое возмущение Луначарского решением ЦК, а также прессинг авторитета Горького всё-таки подействовали на Ленина, который как будто смилостивился и 23 июля проголосовал «за» на заседании Политбюро, которое приняло решение разрешить Блоку выезд за границу.

Итак, затянувшийся «политический консилиум» о санаторном лечении Блока был завершён. И хотя надежда на излечение поэта не могло быть, решение о выезде Блока принималось необоснованно (а может быть специально) долго, что в последующем вызвало много возмущений, обвинений и спекуляций. Однако разреше-

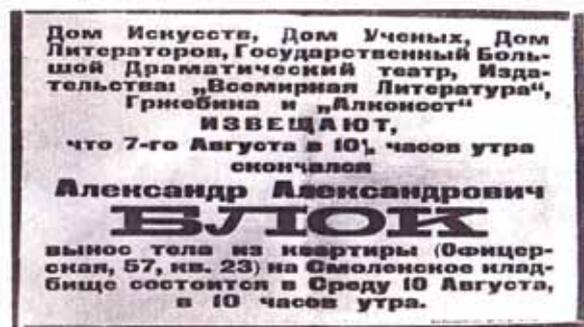

Рисунок 2. Сообщение о смерти А.А. Блока в газете

ние Политбюро на поездку вовсе не означало решения всех проблем несчастного поэта, поскольку выезд разрешался только одному Блоку, без жены. А Любовь Дмитриевну на всякий случай решили оставить заложницей. К тому же большевики иезуитски рассчитали, что выезд за границу одного Блока, который уже не мог самостоятельно передвигаться по своей квартире, окажется нереальным. И все-таки 5 августа, вновь благодаря хлопотам Горького и Луначарского о выезде жены, а скорее всего, «успокоенные» информацией о том, что Блок уже на смертном одре (рис. 1), власти принимают положительное решение. Но поэту оставалось уже жить менее двух дней, и вместо долгожданного выезда в Финляндию он отправляется на Смоленское кладбище Петербурга, которое оказалось ещё не последним приютом поэта.

Блок скончался 7 августа 1921 г., о чём было сообщено в одной из петербургских газет (рис. 2), а 10 августа состоялось его захоронение. Но, видимо, власти чувствовали себя «виноватыми» по отношению к нему, и тело А.А. Блока пришлось потревожить ещё раз. 27 сентября 1944 г. прах поэта и его родных был перенесён на Литераторские мостки Волкова кладбище. В 1946 г. на могиле Блока установили обелиск с барельефным портретом работы скульптора Н. Дыдыкина, а на могилах его родных в 1948 г. — мраморные плиты. На Смоленском кладбище на месте прежнего захоронения поставлен крест (рис. 3). Перезахоронение праха поэта через 23 года после смерти, в 1944 г., когда перед измученным блокадой городом стояли более важные задачи, да к тому же проведённое, по свидетельству очевидцев, крайне небрежно, с риском смещения костей из других могил, вновь всколыхнуло сомнения и домыслы относительно истинной причины смерти Блока. Официальной версией переноса праха было то, что Смоленское кладбище якобы собираются ликвидировать, хотя оно существует и по сей день. Кощунственность этой акции состоит не только в том, что прах поэта и его родственников был потревожен, но и в том, что теперь он находится в специально «освобождённом» для этого семейном склепе баронов Швахенгейм.

Рисунок 3. Крест на месте первого захоронения А.А. Блока на Смоленском кладбище

Продолжение читайте в следующем номере журнала «Архив внутренней медицины».